

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. X, part 1



St. Petersburg
«Nauka»
2014

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том X, часть 1



Санкт-Петербург
«Наука»
2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

COLLOQUIA
CLASSICA ET INDOGERMANICA
VI
STUDIES IN MEMORIAM
LEONHARD G. HERZENBERG



St. Petersburg
«Nauka»
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

COLLOQUIA

CLASSICA ET INDOGERMANICA

VI

ПАМЯТИ

ЛЕОНАРДА ГЕОРГИЕВИЧА ГЕРЦЕНБЕРГА



Санкт-Петербург

«Наука»

2014

УДК 80/81

ББК 81.2

А 38

Colloquia Classica et Indo-Germanica – VI. Памяти Л. Г. Герценберга /
Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. – 910 с. (ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических
исследований РАН. Т. X. Ч. 1)

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),

PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Нидерланды, Амстердамский ун-т),

чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,

д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головкин,

PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),

к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),

д. филол. наук С. А. Мызников,

д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская (Москва, РГГУ),

PhD Prof. J. Russel / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),

д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,

Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор),

к. филол. наук Н. А. Бондарко, д. филол. наук А. В. Грошева,

к. филол. наук Е. Р. Крючкова, академик РАН И. М. Стеблин-Каменский,

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 13-04-00023а (рук. Н. Н. Казанский)

и Президента РФ – грант № НШ-2417.2014.6

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»

(рук. Н. Н. Казанский)

Статьи посвящены памяти Л. Г. Герценберга и связаны с проблемами индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, классической филологии, изучения литературных языков Европы и истории языкознания.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-038227-5

© Коллектив авторов, 2014

© ИЛИ РАН, 2014

А. Ч. Пиперски

ЧЕРЕДОВАНИЕ В КОРНЕ КАК ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОСТИ: ИЗ ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается изменение словоизменительных классов глаголов в истории немецкого языка. Данный процесс рассматривается как языковое изменение, происходящее при усвоении языка детьми. Доказывается, что переход глаголов из сильного (\approx регулярного) спряжения в слабое (\approx нерегулярное) обуславливается различными факторами: в первую очередь это частотность лексем и структура их парадигм, а именно наличие/отсутствие чередований в настоящем времени. Наличие чередований позволяет детям, осваивающим язык, с большей вероятностью запомнить глагол как сильный и способствует сохранению исходного типа спряжения.

Ключевые слова: германские языки, немецкий язык, диахроническая морфология, чередования, парадигмы.

Глаголы немецкого языка подразделяются на два основных словоизменительных типа, которые условно называются сильным и слабым. В ходе истории немецкого языка многие глаголы, относящиеся к сильному спряжению, переходят в слабое (подробнее об этом см.: Carroll et al. 2012 и цит. лит.). Однако важно, что смена словоизменительного типа – это не простое изменение ярлыка в словаре, а сложный и постепенный процесс. Анализ этого процесса невозможен вне модели, описывающей механизмы морфологических изменений в целом.

Очевидно, что язык не передается из поколения в поколение как нерушимая система. Язык может изменяться, продолжая выполнять свою коммуникативную функцию, в первую очередь благодаря избыточности: даже если ребенок не совсем точно воспроизводит язык родителей, подобные помехи не препятствуют эффективной коммуникации между носителями языка (Бурлак, Старостин 2005: 25). Один и тот же элемент может интерпретироваться разными способами, и это является основным двигателем изменений на разных уровнях: и в фонетике (там же: 28–29), и в синтаксисе (Campbell 2004: 284), и в морфологии. В наиболее радикальных теориях постулируется, что неточная передача языка из поколения в поколение – это единственный источник значимых языковых изменений (Halle 1962).

Схожие идеи, подчеркивающие связь между усвоением языка детьми и языковыми изменениями, высказывал еще О. Есперсен (Jespersen 1922: 161–182).

Большинство морфологических изменений описывается как результат аналогии (ср. Носк 1991: 167–189), но по сути аналогия обычно являет собой не что иное, как реинтерпретацию исходного материала при усвоении родного языка. Хотя когнитивные способности человеческого мозга трудно объективно оценить, все морфологические теории исходят из того, что хранить в памяти все формы всех слов невозможно (Haspelmath, Sims 2010: 60–75). Это невозможно в первую очередь потому, что для того, чтобы **помнить** все формы всех слов, нужно их сначала **запомнить**, а значит, их необходимо **услышать**, – а это очевидным образом невозможно, поскольку количество услышанных нами форм конечно, так что человек при усвоении языка сталкивается лишь с некоторой частью потенциально возможных словоформ. Соответственно, все остальное носитель языка достраивает, используя для этого словоизменительные модели, сформировавшиеся на основе тех форм, которые находятся в памяти.

В какой мере человек запоминает формы, а в какой мере порождает их по правилам и моделям – это дискуссионный вопрос, однако сам факт наличия двух этих механизмов не вызывает сомнений у исследователей (*ibid.*: 60; Clark 2009: 178). Еще один вопрос, на который нет ответа, касается того, сколько раз при усвоении языка необходимо услышать ту или иную словоформу, чтобы запомнить ее.

По всей видимости, смена словоизменительных типов у немецких глаголов происходит именно в процессе усвоения языка как родного – при передаче языка от одного поколения к другому. Это подтверждается не только общими соображениями теоретического характера, представленными выше, но и реальными процессами, наблюдаемыми при усвоении родного языка немецкими детьми: они до определенного момента употребляют слабые формы от тех сильных глаголов, которые редко встречаются им в прошедшем времени (Faust 1980). Очевидно, когда количество детей, продолжающих образовывать формы сильного глагола по модели слабого спряжения вплоть до взрослого возраста, превышает некоторое критическое значение, этот глагол изменяет словоизменительный тип с сильного на слабый.

Разумеется, для того, чтобы слово могло пережить изменение словоизменительного типа, необходимо, чтобы его формы,

которые слышит и запоминает ребенок, могли быть отнесены по крайней мере к двум типам. Другими словами, все эти формы должны допускать неоднозначную интерпретацию и служить своего рода шарнирами, соединяющими несколько парадигм.

Таким образом, можно описать механизм смены словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение:

– человек, усваивающий язык, слышит и запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, и выбирает при достройке форм не тот словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

В свою очередь, сохранение словоизменительного типа при передаче языка из поколения в поколение может происходить разными путями:

– человек, усваивающий язык, слышит и запоминает все формы данного слова, тем самым полностью сохраняя словоизменительный тип;

– человек, усваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести это слово только к одному словоизменительному типу – к тому, который выбирался в языке до него;

– человек, усваивающий язык, запоминает некоторое количество форм данного слова, которые позволяют отнести его более чем к одному словоизменительному типу, и выбирает при достройке форм тот же словоизменительный тип, который выбирался в языке до него.

Разумеется, это лишь абстрактная модель, которая упрощает до единичного случая постепенный процесс, проходящий в сознании всего множества носителей языка. Однако эта модель полезна потому, что позволяет представить изменение словоизменительного типа как реальное языковое явление, а не просто как смену ярлыков в словаре по аналогии.

Тем не менее, этой модели недостаточно для работы с фактическим материалом. Поскольку вопрос о соотношении запоминания форм и достройки по правилам еще далек от решения, необходимо искать квантифицируемые лингвистические параметры, скоррелированные с вероятностью запоминания форм. Кроме того, нужно понять, почему при наличии конкуренции словоизменительных типов один из них побеждает (другими словами, какой из них и почему является продуктивным) и на каком этапе развития языка появляется возможность отнесения форм некоторого слова к разным типам. Необходимо также

выяснить, почему для одних слов отнесение слова к новому типу оказывается более вероятным, чем для других.

Применительно к конкретной проблеме перехода сильных глаголов в слабые это означает, что нужно дать ответ на три вопроса:

1) какой словоизменительный тип – сильные или слабые глаголы – является продуктивным в истории немецкого языка?

2) когда появилась возможность принять услышанные формы сильных глаголов за формы слабых глаголов? (Другими словами, когда появились «шарнирные» формы, допускающие неоднозначную интерпретацию?)

3) какие формализуемые факторы могут привести к тому, что для одних слов вероятность смены словоизменительного типа оказывается выше, чем для других?

Вопрос о продуктивности глагольных типов в германистике решается однозначно. Для прагерманского периода можно говорить о том, что аблаут – продуктивное морфологическое средство и, соответственно, сильные глаголы являются продуктивным словоизменительным типом (van Coetsem 1990: 13; Mailhammer 2007: 50), однако в исторически засвидетельствованных германских языках, в том числе в немецком, продуктивным классом являются слабые глаголы (Nübling et al. 2010: 45). Это объясняется в первую очередь большим количеством лексем, принадлежащих к числу слабых глаголов: если понимать регулярность как частотность словоизменительного типа (type frequency), неудивительно, что глаголы, которые ребенок при усвоении языка не может однозначно отнести к одному из типов спряжения, с большей вероятностью приписываются к тому из них, в котором глаголов больше.

Что касается наличия «шарнирных» форм, то до качественной и количественной редукции безударных гласных сильные глаголы отчетливо противопоставлялись двум из трех классов слабых глаголов (они условно обозначаются как 2-й и 3-й), которые характеризовались суффиксами *-ō-* и *-ē-* соответственно (у сильных глаголов между корнем и лично-числовым окончанием появляются другие тематические гласные). Однако противопоставление сильных глаголов слабым глаголам 1-го класса было менее отчетливым уже в древневерхненемецкий период, так как в большинстве форм презенса слабые глаголы 1-го класса оканчивались так же, как сильные глаголы, ср. парадигмы слабого глагола *suochen* ‘искать’ и сильного глагола *trīban* ‘гнать’:

Таблица 1. Парадигмы древневерхненемецких глаголов
suochen ‘искать’ и *trīban* ‘гнать’

	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>suochu = trību</i>	<i>suochemēs, suochamēs, suochēn ≈ trībumēs, trībamēs, trībemēs, trībēn</i>
2	<i>suochis = trībis</i>	<i>suochet = trībet</i>
3	<i>suochit = trībit</i>	<i>suochent ≠ trībant</i>

Таким образом, некоторые предпосылки для смешения сильных и слабых глаголов имелись с самого начала древневерхненемецкого периода. К его концу (т. е. к XI веку) из-за редукции всех безударных гласных до [ə] (на письме – *e*) эти предпосылки усилились: форм, допускающих двоякую интерпретацию, стало намного больше. Этот процесс в разных диалектах протекал с разной скоростью, а в некоторых маргинальных диалектах не завершился до сих пор (Braune 1886/2004: 60–64; Schirmunski 2010: 209–211), но обычно именно ослабление безударных гласных считается одним из признаков, отграничивающих древневерхненемецкий от средневерхненемецкого (Solms 2004: 1681).

Для того, чтобы тот или иной глагол мог перейти из сильного типа в слабый, необходимо, чтобы человек, усваивающий язык, услышал и запомнил только формы, не указывающие однозначно на тип спряжения. Однако возникает вопрос о том, почему с одними глаголами это происходит, а с другими – нет. Из модели морфологических изменений, представленной выше, следует, что вероятность смены словоизменительного типа будет велика в следующих случаях:

- усваивая язык, носитель слышит слишком мало форм глагола, чтобы однозначно отнести его к непродуктивному типу;
- усваивая язык, носитель слышит достаточно много форм, но сама парадигма глагола устроена так, что у носителя не оказывается оснований отнести глагол к непродуктивному (сильному) типу.

В первом случае смена словоизменительного типа происходит у низкочастотных глаголов, во втором случае – у глаголов с особыми свойствами парадигмы. Таким образом, можно выделить два фактора, которые влияют на сохранение/утрату сильного спряжения: **частотность** и **структура парадигмы**.

Значение частотности для морфологической системы германских глаголов в последние годы изучается весьма активно. Так, при помощи статистических методов было доказано, что более частотные английские глаголы меньше склонны к

регуляризации, чем менее частотные (Lieberman et al. 2007). Аналогичное исследование, имеющее более традиционный лингвистический уклон, было выполнено и для немецкого языка (Carroll et al. 2012). Эти работы подтвердили фактическими данными интуитивно очевидное предположение о том, что более частотные слова хорошо сохраняют словоизменительный тип, а менее частотные слова склонны изменяться под воздействием аналогии.

Сложнее решить вопрос о структуре парадигмы и ее влиянии на сохранение/утрату сильного спряжения. В Carroll et al. 2012: 164 приводится таблица, показывающая, что скорость перехода в слабый тип разнится в зависимости от того, к какому из семи традиционно выделяемых классов относится сильный глагол. Наиболее склонны к смене спряжения сильные глаголы VII класса (в этот класс входят те слова, которые в древневерхненемецком языке в прошедшем времени имели дифтонг с начальным компонентом переднего ряда; подробнее о германских классах сильных глаголов см., например: Макаев (отв. ред.) 1966: 301–339). Однако это лишь констатация факта, который нуждается в объяснении.

Такое объяснение может быть получено в рамках описанной выше модели смены словоизменительных типов. Однако имеет смысл говорить не о традиционно выделяемых семи классах, поскольку эта классификация затемнена фонетическими изменениями уже для древневерхненемецкого языка и адекватно применима лишь к прагерманскому и к готскому, а об особенностях структуры парадигмы тех глаголов, которые склонны к смене спряжения. В качестве материала для анализа взяты древнейшие изменения словоизменительных типов, которые происходили при переходе от древневерхненемецкого языка (в традиционной периодизации 750–1050 гг.) к средневерхненемецкому (1050–1350 гг.).

Подсчет, выполненный по словарю (Seebold 1970), показывает, что в древневерхненемецком языке имелось 270 сильных глаголов (если считать только корни, не учитывая отдельно лексемы с превербами). Разумеется, это число нельзя считать абсолютно точным, поскольку для редких глаголов многое зависит от интерпретации отдельных примеров, но использовать его как ориентир вполне можно.

Из этих 270 сильных глаголов по модели слабого спряжения в средневерхненемецком (исключительно или с сохранением редких реликтовых сильных форм) изменяются 14 глаголов:

bluozan ‘приносить в жертву’, *bōzan* ‘бить’, *brūhhan* ‘использовать’, *eihhan* ‘требовать’, *erren* ‘пахать’, *fluohhan* ‘бить’, *glīzan* ‘блестеть’, *klenan* ‘мазать’, *laffan* ‘хлебать’, *lechan* ‘капать’, *limpfan* ‘подходить, соответствовать’, *ouhhan* ‘увеличивать’, *sinnen* ‘идти’, *zeisan* ‘дергать’.

Очевидно, что переходу подвергаются не слишком частотные глаголы: мы имеем дело со стохастическим процессом, напоминающим радиоактивный распад, так что бессмысленно говорить про каждый отдельный глагол, почему он перешел или не перешел в слабое спряжение. Однако имеет смысл искать объяснение в том случае, если глаголы, характеризующиеся одним значением некоторого формального признака, ведут себя заметно иначе, чем глаголы с другим значением этого признака.

Такие признаки можно найти в структуре парадигмы, поскольку разные глаголы характеризуются разными моделями синкретизма основ. Примеры трех различных моделей синкретизма представлены в Таблице 2 на следующей странице.

Для наглядности синкретизм основ проиллюстрирован в Таблице при помощи карточных мастей: основа инфинитива и основа 1ЕД.ПРОШ всегда обозначаются как черви (♥) и бубны (♦) соответственно, а для не совпадающих с ними основ используются дополнительные знаки. Можно выделить три основных признака, характеризующих синкретизм. Они опираются на совпадение/несовпадение с инфинитивом форм ЕД.НАСТ и на наличие одной или двух основ в ПРОШ:

[± 1ЕД.НАСТ = ИНФ]: ♥ или ♠ в 1ЕД.НАСТ

[± 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: ♥ или ♠ во 2–3ЕД.НАСТ

[± ЕД.ПРОШ = МН.ПРОШ]: ♦ или ♣ во 2ЕД.ПРОШ и МН.ПРОШ

Таблица 2. Модели синкретизма основ в древневерхненемецком языке

ИНФ: <i>neman</i> ♥ ‘брат’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>nimu</i> ♠	<i>nemumēs</i> ♥	<i>nam</i> ♦	<i>nātum</i> ♣
2	<i>nimis</i> ♠	<i>nemet</i> ♥	<i>nāmi</i> ♣	<i>nāmut</i> ♣
3	<i>nimit</i> ♠	<i>nemant</i> ♥	<i>nam</i> ♦	<i>nāmun</i> ♣

ИНФ: <i>faran</i> ♥ ‘ехать’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>faru</i> ♥	<i>farumēs</i> ♥	<i>fuor</i> ♦	<i>fuorum</i> ♦
2	<i>feris</i> ♠	<i>faret</i> ♥	<i>fuori</i> ♦	<i>fuorut</i> ♦
3	<i>ferit</i> ♠	<i>farant</i> ♥	<i>fuor</i> ♦	<i>fuorun</i> ♦
ИНФ: <i>loufan</i> ♥ ‘бежать’				
	НАСТ		ПРОШ	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1	<i>loufu</i> ♥	<i>loufumēs</i> ♥	<i>leof</i> ♦	<i>leofum</i> ♦
2	<i>loufis</i> ♥	<i>loufet</i> ♥	<i>leofi</i> ♦	<i>leofut</i> ♦
3	<i>loufit</i> ♥	<i>loufant</i> ♥	<i>leof</i> ♦	<i>leofun</i> ♦

Очевидно, что сильный глагол сохраняет свое спряжение при передаче языка из поколения в поколение в следующих случаях:

– если ребенок, усваивающий язык, услышал и запомнил любую форму прошедшего времени (финитную или причастную), поскольку отсутствие суффикса с *-t-* однозначно указывает на сильное спряжение;

– если ребенок не услышал или не усвоил формы прошедшего времени:

– если корневой гласный глагола позволяет отнести его к большому ряду сильных глаголов (с высокой *type frequency*);

– если ребенок услышал и усвоил формы настоящего времени с разными гласными.

Из этого следует гипотеза, что глаголы с чередованием в ЕД.НАСТ должны лучше сохраняться как сильные. Эту гипотезу можно проверить на фактическом материале.

Из 270 древневерхненемецких сильных глаголов чередование во 2–3ЕД.НАСТ ([– 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]) имеют 149 глаголов, а чередование в 1ЕД.НАСТ ([– 1ЕД.НАСТ = ИНФ]) – 119 из этих 149 (глаголов с чередованием в 1ЕД.НАСТ, но без чередования во 2–3ЕД.НАСТ не бывает).

Распределив 14 глаголов, сменивших спряжение, по группам в зависимости от синкретизма основ в парадигме, получаем:

[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [+ 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *bluozan* ‘приносить в жертву’, *bōzan* ‘бить’, *brūhhan* ‘использовать’, *eihhan* ‘требовать’, *erren* ‘пахать’, *fluohhan* ‘бить’, *glīzan* ‘блестеть’, *limpfan* ‘подходить, соответствовать’, *ouhhan* ‘увеличивать’, *sinnan* ‘идти’, *zeisan* ‘дергать’

[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *laffan* ‘хлебать’
 [- 1ЕД.НАСТ = ИНФ] [- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ]: *klenan* ‘мазать’,
lechan ‘капать’

Таким образом, из 149 глаголов с чередованием во 2–3ЕД.НАСТ спряжение сменили 3 глагола, а из 121 глагола без такого чередования – 11 глаголов:

Таблица 3.

[- 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ] ♠ во 2–3ЕД.НАСТ	3 / 149 = 2,0%
[+ 2–3ЕД.НАСТ = ИНФ] ♥ во 2–3ЕД.НАСТ	11 / 121 = 9,1%

Различие между этими двумя группами глаголов статистически значимо на стандартном уровне значимости 0,05 ($p = 0,0197 < 0,05$). Таким образом, можно обоснованно говорить о том, что глаголы с чередованием в презенсе лучше сохраняют сильный тип, чем глаголы без такого чередования.

Влияет ли на сохранность сильного спряжения наличие или отсутствие чередования в 1ЕД.НАСТ, проверить не удастся, поскольку есть лишь три глагола, сменивших спряжение и различающихся между собой только по этому признаку:

Таблица 4.

[- 1ЕД.НАСТ = ИНФ] ♠ в 1ЕД.НАСТ	2 / 119 = 1,7%
[+ 1ЕД.НАСТ = ИНФ] ♥ в 1ЕД.НАСТ	1 / 30 = 3,3%

Таким образом, смена сильного спряжения на слабое в истории немецкого языка – это сложный процесс, который протекает при передаче языка от поколения к поколению. Он в первую очередь затрагивает низкочастотные глаголы, а также глаголы, недостаточно маркированные как сильные из-за отсутствия чередования в ЕД.НАСТ; напротив, наличие чередований является залогом устойчивости сильного спряжения, поскольку не дает возможности переинтерпретировать глагол как слабый. Эти выводы согласуются как с теоретической моделью, объясняющей изменение словоизменительных типов как результат помех при передаче языка от родителей детям, так и с реальными фактами, наблюдаемыми на рубеже древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периода.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; Ед – единственное число; МН – множественное число; НАСТ – настоящее время; ПРОШ – прошедшее время.

Литература

- Бурлак, Старостин 2005 – С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia, 2005.
- Макаев (отв. ред.) 1966 – Э. А. Макаев (отв. ред.). Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. Морфология (продолжение). М.: Наука, 1966.
- Braune 1886/2004 – W. Braune. Althochdeutsche Grammatik I: Laut- und Formenlehre. Bd. I (1886) / I. Reiffenstein (bearb.). Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Campbell 2004 – L. Campbell. Historical Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
- Carroll et al. 2012 – R. Carroll, R. Svare, J. Salmons. Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs // Journal of Historical Linguistics 2, 2, 2012. P. 153–172.
- Clark 2009 – E. V. Clark. First Language Acquisition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009.
- van Coetsem 1990 – F. van Coetsem. Ablaut and Reduplication in the Germanic Verb. Heidelberg: Carl Winter, 1990.
- Faust 1980 – M. Faust. Morphologische Regularisierung im Sprachwandel und Spracherwerb // Folia Linguistica 14, 1980. S. 387–411.
- Halle 1962 – M. Halle. Phonology in generative grammar // Word 18, 1962. P. 54–72.
- Haspelmath, Sims 2010 – M. Haspelmath, A. Sims. Understanding Morphology. 2nd ed. London: Hodder Education, 2010.
- Hock 1991 – H. H. Hock. Principles of historical linguistics. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Jespersen 1922 – O. Jespersen. Language, its nature, development and origin. London: G. Allen & Unwin, 1922.
- Lieberman et al. 2007 – E. Lieberman, J.-B. Michel, J. Jackson, T. Tang, M. A. Nowak. Quantifying the evolutionary dynamics of language // Nature 449, 2007. P. 713–716.
- Mailhammer 2007 – R. Mailhammer. The Germanic Strong Verbs. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Nübling et al. 2010 – D. Nübling, A. Dammel, J. Duke, R. Szczepaniak. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 3. Aufl. Tübingen: Gunter Narr, 2010.
- Schirmunski 2010 – V. Schirmunski. Deutsche Mundartkunde. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010.
- Seebold 1970 – E. Seebold. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague – Paris: Mouton, 1970.
- Solms 2004 – H.-J. Solms. Vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen // G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. 2. Halbband. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 1680–1698.

A. Piperski. Root vowel alternation as stability factor: some notes on the history of German strong verbs

This paper describes inflectional class change in the course of the history of German. This process is interpreted as child-based language change. I argue that the transition of strong (irregular) verbs into weak (regular) conjugation is governed by different factors, the most important being frequency and paradigm structure, namely the presence or absence of alternations in the present tense. If there are alternations, the verb is more likely to be memorized as a strong one by native learners, which increases its chances of retaining the irregular paradigm.

Keywords: Germanic linguistics, German, diachronic morphology, alternations, paradigms.